

С.А. Красильников

ФЕНОМЕН СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА НАУКИ

О создании и последующей эволюции Сибирского отделения, действительно ставшего знаковым феноменом для советской модели организации академической и в целом отечественной науки, написаны за истекшие более чем полвека сотни работ самого разнообразного формата и профиля. Если из их числа выделить тематическое ядро, т. е. научную, исследовательскую рефлексию, то в более узком смысле речь может идти об оценочном осмыслении данного феномена, прежде всего, самими создателями и руководителями Отделения («базовая рефлексия») и примыкающими к ним работы социальных историков науки, науковедов («надстроечная рефлексия»).

Некоторым итогом, заключившим эти жанры в один формат, стал выпуск к 50-летию юбилею СО РАН в 2007 г. серийного издания из трех книг, в первой из которых нашла отражение «базовая рефлексия» (избранные статьи и выступления председателей Отделения за годы его существования), во второй – «надстроечная рефлексия» (исторический очерк о развитии академической науки в регионе), а третьей стало справочное издание, содержащее биограммы на почти 300 ученых, избранных в течение полувека в члены Академии наук и работавших в Отделении (персональный состав)¹.

Если говорить о концептуальном ядре работ, анализировавших феномен СОАН/РАН, то здесь очевидным образом центральное место в нем заняли принципы, озвученные в партийно-директивных документах той хрущевской эпохи, в рамках которой создавался научный комплекс на востоке страны. Затем указанные принципы

¹ См.: Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров / сост. В.Д. Ермиков, Н.А. Притвиц, О.В. Подойницына. Новосибирск, 2007; Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск, 2007; Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запорожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск, 2007.

были адекватно переведены основателями Отделения на научный язык и далее – в плоскость реализации конкретных управленческих решений. В работах исследователей воспроизводился симбиоз из властных директив в сочетании с оценками основателей и руководителей Отделения и с наполнением данного «каркаса» эмпирическим материалом.

В итоге взаимного подкрепления аргументами была сконструирована следующая «матрица» причин создания, принципов функционирования и потенциала устойчивости созданной модели Отделения. Акцент делался на благоприятном сочетании и взаимодействии факторов объективного и субъективного характера. При этом объективный включает в себя необходимость: научного обеспечения ускоренного развития производительных сил на Востоке страны, деконцентрации в размещении научного потенциала, комплексности взаимодействия различных групп наук в рамках Отделения, создания системы подготовки кадров для нужд академической науки и т. д.; субъективный – наличие сильных научных лидеров, готовность последних переехать на Восток с учениками и единомышленниками, высокая степень мотивации и подвижности внутри данной части научного сообщества и поддержка идеи ученых руководством страны.

Вплоть до начала 1990-х гг. безусловно доминировала официальная концепция истории создания и развития Сибирского отделения АН СССР, которая базировалась на отработанной и закреплённой на двух уровнях (официальном/пропагандистском и историко-научном) схеме. Согласно данной схеме новаторские принципы, заложенные лидерами – создателями Отделения в первое десятилетие (1957–1967 гг.), обеспечивают его устойчивое развитие на необозримый период. Сложности, противоречия во взаимодействии ученых со структурами власти, внутринаучные конфликты, постепенная утрата динамизма и мобильности в 1980-е гг. оставались для внутрикорпоративного обсуждения, а попытки их анализа и обсуждения приводили к маргинализации этого направления историко-научных исследований.

В новейшей исторической литературе некогда базовая, официальная трактовка истории создания и последующей динамики развития Отделения уже не играет прежней роли. Ей на смену пришла более многоаспектная и потому более реалистичная историческая реконструкция причин, факторов и тенденций, сыгравших свою роль в создании и последующей трансформации феномена Сибирского отделения АН СССР².

² См.: Артемов Е.Т. Как принимались решения в советской системе управления (случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Ураль-

В принципиально новой плоскости социальными историками науки поставлен вопрос о слагаемых успешной реализации новой модели организации науки («случай Академгородка») с позиций сочетания действия объективных и субъективных факторов: если ранее аксиомой считался приоритет действия объективных условий, то ныне гораздо более обсуждаемым становится действие «человеческого фактора» на благоприятный или негативный исход событий. Более углубленно изучаются проблемы: корпоративных взаимоотношений внутри научного сообщества, сформировавшегося в Отделении; мотивации деятельности лидеров-организаторов Отделения; роли и значения мобилизационных технологий и практик в ходе создания инновационного для своего времени Новосибирского научного центра и т. д.

Новый виток изучения социальной истории науки в Сибири приводит ученых к необходимости обращения к предпосылкам, условиям и механизмам создания основ Отделения и тем самым переосмысления событий, связанных с хрущевским периодом в истории страны и отечественной науки. Данная публикация не претендует на концептуальную или эмпирическую новизну в данной области, ее целью является реинтерпретация уже накопленных в науке данных и оценок о начальном этапе создания Сибирского отделения АН СССР.

Говоря о феномене Отделения, следует отметить, что всеми исследователями признается роль в его возникновении двух групп факторов фундаментального характера, первая из которых находилась вне научной плоскости, а вторая исходила из внутринаучных потребностей. Имея в виду сочетание и совпадение вне- и внутринаучных потребностей, исследователи так или иначе обращаются к деятельному моменту, который должен был быть в виде интенции – отрефлексированном речевом/текстовом действии, направленном на объяснение необходимости реализации актуального проекта.

В нашем случае интенция нашла отражение в нескольких публикациях и обращениях инициаторов создания Отделения, первоначально – академиков М.А. Лаврентьева и С.А. Христиановича. Так, в своей записке, имевшей гриф секретности и направленной 8 декабря 1956 г. на имя Н.С. Хрущева, имевшей целью обосновать необходи-

ский исторический вестник. 2011. № 3 (32). 2011. С. 129–138; Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012; Кузнецов И.С. Неизвестный Лаврентьев. Новосибирск, 2010; Он же. Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 86–91.

мость создания в Сибири мощного научного центра (первоначально последний мыслился в виде Академии наук Российской Федерации), академики использовали преамбулу с пояснением назревших потребностей данного шага. В ней на языке, привычном и понятном высшему номенклатурному звену, доказывались три базовые причины.

Первая причина из них состояла в том, что модель нового мощного территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с потребностями стратегического характера – созданием своего рода дублирующей структуры на случай военной угрозы: «В настоящее время основные научные силы по всем разделам науки сосредоточены в Москве... Такое положение с точки зрения развития науки, связи науки с техникой, подготовки научных кадров не рационально (выделено нами. – С.К.); в случае военной ситуации такое положение крайне опасно»³.

Вторая причина акцентировала внимание руководителя страны на то, что модель территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с потребностями государственной научно-технической политики (НТП) в научном обеспечении новых производств на востоке страны, что позволит создать единый научный комплекс из разнопрофильных учреждений, связанных единой организационно-управленческой структурой: потребуется привлечение на Восток «значительных групп ведущих ученых разных специальностей, связанных с оборонной техникой, новой техникой, тяжелой индустрией...»⁴

Третья причина напоминала о том, что модель территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с потребностями/приоритетами территориального развития экономики, сформулированными в виде партийной директивы: «На XX съезде КПСС принято решение о создании мощной индустриальной базы на Востоке»⁵.

Обращает на себя внимание немалая оперативность рассмотрения данной «записки» высшим партийным руководством. Из делопроизводственной пометы на документе следует, что она 18 декабря – уже через 10 дней – была направлена для дачи по нему заключения в профильные отделы ЦК. Отделы науки, вузов и школ в лице В. Кириллина и Н. Казьмина подготовили положительное заключе-

³ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док. / сост. Е.Г. Водичев, И.С. Кузнецов [и др.]. Новосибирск, 2007. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ние по обращению академиков, датированное 30 декабря. В преамбуле не только фактически подтверждалась правота и своевременность инициативы ученых, но и воспроизводилась в несколько измененном виде их аргументация: «Гг. Лаврентьев и Христианович обоснованно ставят вопрос о необходимости в кратчайший срок создания на востоке крупной научно-исследовательской базы, привлечении туда ведущих ученых разных специальностей. <...> Сосредоточение научных учреждений в Москве, Ленинграде и некоторых других городах СССР неправильно в принципе. Оно затрудняет связь науки с производством, ограничивает возможности подготовки и правильного использования кадров, *нерационально со стратегической точки зрения* (выделено нами. – С.К.)»⁶.

Из отмеченного следует, что инициатива известных руководству страны ученых оказалась весьма грамотно «упакована» в партийно-государственный «новояз» с верно расставленными акцентами, где на тот момент при обосновании создания будущего Отделения делался упор на геополитический, военно-стратегический фактор. Такая особенность предполагает выявление прямых связей между новационной идеей – осуществить декомпозицию научно-образовательного потенциала страны путем изменения традиционной модели «Центр–периферия» и создания на востоке страны мощного многопрофильного академического научного центра – и мобилизационными методами и практиками ее реализации. Иначе говоря, речь идет о том, что Новосибирский академгородок в значительной мере «вырос» из «сталинской шинели».

Здесь очевидным образом следует говорить о *трансфере модели научного обеспечения проектов ВПК*, в частности об опыте создания закрытых/секретных научно-технических центров (моногородов) в рамках атомного и ракетно-космического проектов, в том числе центров в гг. Снежинске (Урал) и Арзамасе – 16, а на территории Сибири – гг. Северска (под Томском) и Железногорска (под Красноярском). Соответственно имел место и *трансфер технологии ресурсного/инфраструктурного обеспечения* – перенос опыта строительства и инфраструктурного обеспечения моногородов при формировании Новосибирского научного центра (ННЦ).

В частности, на раннем этапе строительства Академгородка предусматривалось использование «спецконтингента» и военно-строительных частей в подкрепление к коллективу «Новосибирскгэсстрой» как главной строительной организации. В проекте Постановления Совета Министров СССР в данной части предусматривалось: «Обя-

зать Министерство внутренних дел СССР обеспечить “Новосибирскгэсстрой” рабочей силой в количестве 2000 чел. с ноября 1957 г. до конца строительства научного городка. Распространить Положение на рабочую силу заключенных о производстве зачетов 1 к 3 отбытого времени наказания... Обязать Министерство обороны СССР выделить в текущем году “Новосибирскгэсстрой” до конца строительства научно-исследовательских институтов СО АН СССР строительные батальоны в общем количестве 2000 чел.»⁷

Через два года, весной 1959 г., в условиях сбоя с темпами строительства ННЦ произошла полная передача строительства в ведение Минсредмаша с созданием специальной организации «Сибкадемстрой». Последняя естественным образом продолжала использовать указанную специфическую «рабочую силу», хотя, предположительно, и в несколько меньших масштабах. При создании Отделения имел место и *трансфер социальной мобилизации*.

Организация Академгородка сопровождалась мощной и интенсивной пропагандистской кампанией мобилизационного типа. В то же время в ней имелись два принципиальных отличия от мобилизационной модели сталинской эпохи: кампания создания наукограда в Новосибирске имела полностью позитивную, консолидационную природу; кроме того, в ней имели место процессы так называемой самомобилизации, проявления социальных инициатив и начинаний в научной среде.

Инициаторов идеи создания первого территориального Отделения в структуре академической науки М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, а затем и вошедшего в эту команду С.Л. Соболева, включая и группу других директоров – организаторов институтов Отделения, объединяла успешная на протяжении нескольких лет работа в рамках указанного атомного проекта.

Так, **М.А. Лаврентьев** (директор Института гидродинамики) с мая 1953 по 1955 гг. являлся заместителем научного руководителя КБ–11 (г. Саров), в 1955–1957 гг. продолжал работу в КБ–11 по совместительству. Вместе с учениками он разработал образец артиллерийского снаряда с атомным зарядом, испытание которого состоялось в 1956 г. на Семипалатинском полигоне. **С.А. Христианович** (директор Института теоретической и прикладной механики) в период 1953–1961 гг. принимал непосредственное участие в испытаниях ядерного оружия в атмосфере и под водой, а также работал над про-

⁷ Цит. по: Кузнецов И.С. Создание Новосибирского академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета... С. 88–89.

⁶ Сибирское отделение РАН: создание (1957–1961 годы)... С. 18–19.

блемами защиты от этого оружия. **С.Л. Соболев** (директор Института математики) с 1945 по 1957 г. работал как заместитель И.В. Курчатова, возглавляя направление по математическим вычислениям. **И.И. Новиков** (директор Института теплофизики) выполнил ряд исследований по тематике советского атомного проекта. В 1950–1956 гг. возглавлял научно-техническое управление Минсредмаша. **Г.И. Будкер** (директор Института ядерной физики) с 1946 по 1957 г. работал в Лаборатории измерительных приборов АН СССР (позднее – Институт атомной энергии) под руководством И.В. Курчатова. **А.А. Ковальский** (директор Института химической кинетики и горения), работая до 1957 г. в Институте химической физики, участвовал в изучении излучения при взрыве атомной бомбы и разработке средств защиты от радиации. Таким образом, из 12 первых директоров институтов Новосибирского академгородка шестеро принимали активное участие в реализации атомного проекта⁸.

Группа инициаторов создания Отделения имела и весьма высокие в рамках академической иерархии статусные позиции, позволявшие им выдвигать и озвучивать данную инициативу в высших академических научных кругах. **М.А. Лаврентьев** в послевоенный период занимал посты вице-президента АН Украины (1946–1948 гг.), директора Института точной механики и вычислительной техники (1950–1953 гг., Москва), на момент выдвижения идеи являлся академиком – секретарем Отделения физико-математических наук АН СССР (1950–1953 и 1955–1957 гг.), членом Президиума АН СССР. **С.А. Христианович** был научным руководителем ЦАГИ (1940–1953 гг.), академиком – секретарем Отделения технических наук АН СССР (1953–1957 гг.), членом Президиума АН СССР. **В.С. Немчинов** был председателем Совета по изучению производительных сил АН СССР (1949–1963 гг.), академиком – секретарем Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР (1953–1962 гг.), членом Президиума АН СССР. Таким образом, из 12 академиков – секретарей Отделений по наукам трое являлись инициаторами создания Сибирского отделения АН СССР, чем значительно усиливали возможность формирования позитивного отношения в идее создания Отделения в академическом сообществе.

Кроме того, и это чрезвычайно важно, среди инициаторов «научного десанта» из Центра в Сибирь были те, кто имел опыт создания вузов нового типа. **М.А. Лаврентьев**, **С.А. Христианович** входили в число создателей Московского физико-технического института

⁸ См.: Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав... С. 38, 150, 194, 240, 266–267, 394–395.

(МФТИ). **И.И. Новиков** был одним из основателей Московского инженерно-физического института (МИФИ), его первым ректором (1956–1958 гг.).

Сказанное выше свидетельствует о том, что послевоенная эпоха с ее новыми геополитическими угрозами способствовала резкому повышению востребованности ученых и формированию в научной среде высоких оценок возможностей для самореализации. Между тем все трое академиков-инициаторов (Лаврентьев, Христианович, Соболев) очевидным образом ощущали, что занимавшиеся ими к середине 1950-х гг. статусные позиции в академической и военно-технической иерархиях достигли своего максимума и новые возможности следовало искать вне Центра.

Идея формирования нового академического научного комплекса на территориальной «периферии» оказалось как нельзя более созвучной общему вектору преобразований в постсталинскую эпоху, нацеленному на реформирование систем управления во всех сферах, включая и научную. Идея деконцентрации научно-образовательного потенциала страны оказалась органически вписанной в стратегию ожидания советских верхов второй половины 1950-х гг.

Для реализации сконцентрированного в деятельности группы ведущих ученых реформаторского потенциала, впрочем, имелись также своего рода границы возможного. В частности, очевидно завышенной оказалась ставка Лаврентьева и Христиановича на идею создания научного комплекса на Востоке в форме Академии наук Российской Федерации, предложенную Н.С. Хрущеву в процитированной ранее «записке» от 8 декабря 1956 г. Аппаратные деятели из ЦК разумно трансформировали данную инициативу ученых в проект создания территориального подразделения АН СССР в качестве Сибирского отделения.

В то же время для академиков-инициаторов было открыто несколько уникальных по тем временам преференций, или «коридоров возможности». Первым и основным из них стал *политический коридор*. Фактическим куратором создания новой модели децентрализации науки выступал Н.С. Хрущев как руководитель государства. М.А. Лаврентьев и С.А. Христианович пользовались его доверием. Поэтому наиболее благоприятным для решения ключевых проблем формирования Отделения был период с 1957 по 1963 г.

Производным от *политического* стал *ресурсно-управленческий коридор*. Выделение для Отделения (фактически – для Новосибирского академгородка) ресурсов (финансовых, материально-технических и др.) производилось «особой строкой». Ранее уже отмечалось использование для строительства Академгородка строительного потенциала ВПК. Режим наибольшего благоприятствования касался в

эти годы принятия базовых решений, обеспечивших устойчивое развитие ННЦ в первое «семилетие». Новая территориальная академическая структура получила тогда все возможные предпочтения.

Вместе с тем уже на этапе становления Отделения проявили себя, вначале в не столь явной, открытой форме, противоречия и препятствия внеаучного и внутринаучного характера. К числу первых следует отнести сложные взаимоотношения руководства Отделения с региональным партийным руководством в лице Новосибирского обкома КПСС, когда последнее стремилось установить «политконтроль» над сферой науки, влиять на решение кадровых вопросов и т. д. Помимо этого, произошло определенное снижение управленческого потенциала М.А. Лаврентьева и его возможностей «выхода на руководство» после отставки Н.С. Хрущева осенью 1964 г.

Начинали сказываться и неизбежные для столь форсированного и многоаспектного создания Академгородка просчеты организационно-финансового характера, перерасходы средств, выделяемых на строительство и формирование научных учреждений и другие проблемы. Произведенной Минфином РСФСР в 1959 г. ревизией хозяйственно-финансовой деятельности Сибирского отделения АН СССР были установлены «существенные недостатки, бесхозяйственность и излишества в расходовании государственных средств». Соответствующим решением Совета Министров РСФСР Отделение было «наказано» определенным снижением от запланированных на 1960 г. средств на фонд заработной платы, капитальные вложения и др., ряд хозяйственных работников Отделения за нарушения были сняты с занимаемых должностей⁹.

Эти внешние для науки факторы накладывались на начинавшие проявлять себя внутриэлитные конфликты, в том числе с руководством АН СССР до его смены в 1961 г. и приходом на пост президента М.В. Келдыша. Через несколько лет последовали перестановки внутри руководства Отделения, Лаврентьев начал проводить реформатирование команды, создававшей вместе с ним ядро ННЦ. В силу ряда причин произошли отставки и уходы со своих постов С.А. Христиановича, И.И. Новикова и некоторых других.

К середине 1960-х гг. проявилось действие миграционного маятника, когда приток научных кадров в Отделение столкнулся с начавшимся кадровым оттоком. Стало сказываться также противоречие между фундаментальными исследованиями и прикладными, в том числе для нужд ВПК, что порождало «закрытость» и предпочтения

⁹ См.: Сибирское отделение Российской академии наук: создание... С. 125–136, 138–146.

одних групп ученых перед основной их массой. Но пока, в хрущевский период, указанные «болевы точки» еще не столь ослабляли тенденцию поступательного роста.

Создание в Сибири, с ядром в Новосибирске, нового регионального научного центра, не уступавшего столичным, позволило изменить сложившуюся инерционную конфигурацию территориального размещения отечественной академической науки. Происходило это в научно-технической сфере середины – второй половины XX в. в соответствии с мировой тенденцией – реализацией стратегии *полюсов роста*. В то же время становление модели Сибирского отделения/Новосибирского научного центра стало следствием уникального совпадения факторов внеаучного (прежде всего, социально-политического) и внутринаучного характера, которые не могли быть тиражированы, повторены адекватным образом.

Феномен Отделения был достигнут путем соединения черт и технологий двух эпох – позднесталинской и хрущевской. Инновационная модель организации науки реализовывалась сочетанием мобилизационных технологий тоталитарной системы с «оттепельной» тенденцией корпоративной самоорганизации и самомобилизации научного сообщества. Все в последующем создаваемые отечественные научные центры и городки обладали «ослабленными» в сравнении с ННЦ научно-организационными характеристиками и не столь значительным, как в Академгородке, «пассионарным» потенциалом развития¹⁰.

¹⁰ См.: Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы... С. 202, 205–207.